

Ю р и й Петкевич

П Р И Л И Ч Н Ы Й К О С Т Ю М
Д Л Я Н О В О Й Ж И З Н И

ПОДШИПНИК ПОЛЕТЕЛ

— Где здесь свинарник? — спрашиваю.

— Ты неправильно едешь, — говорит. — Совсем не в ту сторону. Езжай за мной.

Я развернулся. Оказывается — у него горб. Кручу педали и смотрю на его вздернутый на горбе плащ. Кручу изо всех сил, но у горбуна велосипед новый, а у меня трещит — того и гляди развалится.

Взошло солнце; косые лучи растворяются в сыром воздухе. Солнце поднимается выше — от вертящихся передо мной колес и развещающегося плаща падает тень на обочину, на заблестевшую от росы траву, и тут же растаяла в сгустившемся полумраке — горбун въехал по дороге в еловый лес — и я за ним.

— Стой! — кричу ему. — Стой! — И сам остановился, слез с велосипеда. — Я вспомнил — перед лесом надо сворачивать.

Не оглядываясь и по-прежнему крутя педали, горбун проговорил отчетливо в тишине:

— Можно и перед самой железной дорогой...

Опять взбираюсь на велосипед; только крутанул, как цепь слетела. Горбун скрылся за поворотом. Пока я провозился с цепью — поднимаю голову: ко мне идут навстречу два амбала; один — в армейском ватнике. Расстегивает пуговицы и орет мне: стой! — хотя я и так стою.

Я поехал навстречу.

— Стой! — кричит и протягивает ватник: — Купи!

— Мне не надо, — говорю. — Да и откуда деньги в лесу. Да и вообще...

— А почему ты улыбаешься? — спрашивает другой — у него глаза, налитые кровью после вчерашнего.

— Разве я улыбаюсь? — говорю и улыбаюсь.

— Не надо улыбаться, — этот говорит и — дернул меня за усы. Больно! Я крутанул — цепь не слетела.

— Всего за двадцать пять рублей! — закричал вдогонку тот, что с ватником.

Я не оглядываюсь и жму на педали. А вот и железная дорога. За лесом опять поле. Солнце — еще выше, сияет, и поднявшийся туман над полем блестит, слепит глаза. Смотреть вперед невозможно больно, но увидел горбуна. Он стоит, ожидает. Увидел меня — и опять поехал. Я стараюсь его догнать, кручу изо всех сил, но дорога буграми, рытвинами, — колеса прыгают, руль скрутился — вертится, как ему вздумается. С горы я еще съехал, а дальше, по песку, надо велосипед тянуть. Горбун оглянулся и подождал. Пока я тащил велосипед — туман поднялся, и солнце пропало.

— Ты даже вспотел, — заметил горбун.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул я. — Допотопная рухлядь.

— Все же лучше, чем идти, — сказал он и добавил: — Штанины вытри.

Я глянул на ноги и обнаружил, что у щиколоток штаны ржавые.

— Нечего вам из-за меня мокнуть, — говорю, когда пыркнул дождь. — Расскажите, где поле за свинарником...

Горбун начал объяснять, а я пытался закрепить руль.

—...За той горкой, — закончил горбун. Он немного отъехал и остановился — закричал визгливым, петушиным голоском: — Скоро их должны кормить. Услышишь!

Я побрел вслед уехавшему горбуну. За горкой показалась деревня. Я протацил велосипед по пустынной улице, а за деревней посреди поля скучают женщины и девица. Подойдя к ним, я оглянулся. За мной наблюдает из деревни старуха. От старухи я перевел взгляд на девицу и улыбнулся. Она отвела от меня глаза. Выражение их растерянное и ускользящее. Ангельское лицо, но я знаю, что у таких в мыслях.

Поправляет прядь золотых волос. А одета в грязную, с дырками на локтях куртку. Впрочем, как одеваться, если заставляют копать картошку! У ее матери седые волосы, выбиваются из-под шляпы. В поле — и шляпа! Облезлая, поля опущены.

Опять дождик. Ветер усиливается, пронизывает, хотя на мне много одежды. Я бросил велосипед на землю и стал раздеваться.

— Что за звуки? — спрашиваю.

— Вспотел? Не стой голый — заболеешь, — сказала тетя Лида — та, что в шляпе.

— Не заболит, — говорит тетя Фрося, которая сидит на ведре, перевернутом вверх дном. Щеки у нее румяные. И красный платок.

— Что это за звуки? — еще раз спрашиваю и тут соображаю, что в длинном сарае за полем кормят свиней.

Они визжат, будто их сразу всех режут. Майка — хоть выжимай, и свитер мокрый. Остальное опять натянул на себя. Вот так теплой. Мокрое завязал узлом на руль.

За лесом гудит поезд. Гляжу вдаль. И все посмотрели. На горизонте показались вагончики. И от этого присутствия какой-то другой — наверняка счастливой, кажущейся отсюда счастливой жизни, — здесь, в поле, становится невообразимо грустно. А ведь совсем недавно я сам ехал в таком поезде и не задумывался ни о чем.

Будто с неба свалился дядя Женя. И солнце показалось. Свиньи еще кричат — никак не накормят.

— Уфф! — говорит дядя Женя. — Устал.

Сел на камень.

— Где тебя носит? — спрашивает тетя Фрося.

— Приехал? — спрашивает у меня дядя Женя.

— Да, — отвечаю. — У тебя на шапке паутина.

Сидя на камне, дядя Женя снял шапку, смахнул паутину, бросил шапку на колено, из кармана пиджака достал бутылку, вытащил пробку, положил аккуратно ее на шапку, отпил несколько глотков, заткнул обратно пробку, надел шапку на голову и поднялся.

— А погода хорошая, — говорит, — устанавливается. Эх, — махнул рукой, — подшипник полетел.

— Хоть покажи, — говорит ему тетя Лида, — где твой участок?

— Семь грядок отсчитать.

— Откуда?

— А как ты думаешь, — вдруг обращается дядя Женя ко мне, — есть ли тот свет или нет?

На глазах у меня дядя пьянеет.

— Ладно, — говорю, — раз подшипник полетел — поеду домой.

— Поедешь? — удивилась тетя Фрося.

— Нет, поведу велосипед.

А девица в рваной куртке поправляет прядь золотых волос и смеется:

— Куда ты идешь?

— А что?

— Вот по этой дороге прямее выйдет, — показывает дядя Женя.

Наконец свиньи перестали пищать — дождались своего часа. Я решил с горочки съехать с болтающимся рулем. Только оттолкнулся — навстречу допотопные «Жигули». Шофер машет рукой. Так и не съехал я. Он спрашивает:

- Копалка не приезжала?
- Подшипник полетел, — говорю.
- Чего такой руль?
- Ну, такой, — говорю.
- Убьешься!

И я тут вспомнил, что когда-то, ребенком, видел эти поля горочками, поезд вдали, только лес вырос за годы; неожиданно стало радостно — и еще отчего-то очень радостно, но пока не соображу. Вся хмарь улетучилась с неба. Оно глубокое, и солнце со дна его. Навстречу едет гусеничный трактор по пашне. За трактором лист жести. На жести лежат камни и стоит человек. Все серое, ослепительно-серое; у мужчины лицо бронзовое.

БАРАБАН

- Какую? — спросила из киоска продавщица.
- Любую, — я ответил. — Все равно я их не читаю.

Она посмотрела на меня удивленно. Я пересек площадь. Не успел сесть за свободный столик в кафе и развернуть газету — появилась Катя. Я улыбнулся — не ей, а себе.

— Кроссворд на всю полосу, а твоя рубашка в кружочках, — сказала она.

Я складываю газету.

— Ну и что?

— Кроссворд в квадратах, — поясняет, — а на твоей рубашке рисунок в кружочках.

— Спасибо за наблюдение.

— Я думаю, лучше будет на воздухе, — продолжает Катя.

— Тебе не будет холодно в короткой юбке? — спрашиваю. — Вчера была в куртке и в шляпе, а вчера было теплее.

— После обеда будет жарко.

Мы поднимаемся и выходим из кафе: туда, где стоят столики под зонтами. Пестрые полотнища трещат и хлопают на ветру. Садимся в плетеные кресла. Тут же я поднимаюсь.

- Что взять?
- Я хочу только пить.
- Вино будешь?
- Лучше чаю.
- Может, сок?
- Можно.
- Какой любишь?
- Никакой, — и тут же другим голосом: — Возьми-ка пива.

Я положил газету на столик. Тут же ее подхватило, и она, перелистываемая ветром, прошелестела над площадью. Я направился под крышу.

- Какое у вас пиво?
- «Экстра» и «жигулевское».
- Два бокала, — прошу.
- Какого?
- А какое лучше? — спрашиваю. — Вы не слышите барабан?
- Нет.
- Прислушайтесь, пожалуйста.

Она прислушалась и, не понимая в чем дело, улыбнулась мне.

- Где? В какой стороне?
- Там, — я показал.
- Невозможно прислушаться. Здесь шумят.
- Извините, значит — это внутри меня.

Пришлось открыть дверь ногой, и с двумя бокалами в руках я вышел из кафе. Сразу же ветер сдул пену с пива, и она белыми хлопьями упала под колеса проезжающей машины. За столиком рядом с Катей молодой человек чиркает спичками, пытается закурить.

— Это мой однокурсник, — представила его Катя, — случайно мимо проходил.

Я поставил бокалы на столик.

- Наверно, я помешал, — сказал молодой человек.
- Нет,нисколько, — ответил я. — Пойду еще бокал возьму.
- Не надо, — говорит однокурсник Кати. — Я не употребляю

спиртного.

В этот момент подходит пьяный мужчина при галстукe.

- Извините, у вас не найдется ручки?

Я пошарил по карманам и протянул пьяному. Он сел за соседним столиком, вынул блокнот и что-то стал лихорадочно писать.

— Мне кажется, я думаю, — проговорила Катя, потягивая из бокала пиво, — не стоит, Алик, придавать этому значение.

Ее однокурсник засмеялся и ответил, не вынимая изо рта сигареты:

— Возможно.

— Кто тебе не дает поступать так, как хочется? — спросила Катя.

— Не кто, а что, — поправил ее Алик и пояснил: — Обстоятельства.

— Какие?

— Их много.

Алику наконец удалось прикурить, и дым понесло на меня, но он так быстро растворялся в потоках воздуха, что я не успевал вдохнуть его — лишь тени мелькали на салфетках на столике.

— Если обстоятельств много, — сказала спокойно Катя, — значит, дело не в них.

— А в чем?

— В тебе самом.

— А как бы ты поступила на моем месте? — спросил Алик.

— Если бы я была мужчиной, я бы ответила.

Я допил пиво, поставил бокал на столик.

— Извините, увидел знакомого.

Поднялся и приблизился к двоим, которые выходили из кафе. Пена слетела с их бокалов, и сизый асфальт покрылся чернильными кляксами. Я протянул одному из них руку.

— Здравствуйте.

Он поглядел на меня удивленно, но руку подал.

— Мы познакомились, — напоминаю, — вчера на поминках. Как вы сегодня чувствуете себя?

Он не ответил и, проходя мимо, сказал приятелю:

— Здравствуйте, разве можно в таком деле доверять женщине?! Я почему против?

Но приятель оборвал его:

— И ты не почувствуешь даже, как...

— Как ты можешь помнить меня, — проговорил я мужчине вслед, — если ты заснул на поминальном столе и, для того чтобы тебя разбудить, мне пришлось протрубить из горна.

Проходя около столика, за которым что-то писал моей ручкой пьяный, я заглянул в его блокнот.

— Он пишет стихи, — шепнул я Кате.

— У тебя мало времени? — спросил Алик у Кати, заметив, что она глянула на часы.

— Еще есть.

— Расслабься, — сказал я ей.

— Я устала. — Катя отодвинула от себя бокал с пивом и, поднявшись, добавила: — Пиво невкусное.

— Куда ты? — спросил ее Алик.

— Позвоню — отменю следующую встречу.

На ее ляжках отпечатались плетеное кресло. Она перебежала через площадь, подошла к телефону-автомату у киоска, где я покупал газету, и стала набирать номер. Я отвернулся и наблюдаю, как лихо-радочно пишутся стихи. Алик выбросил окурок и спросил еще раз:

— Может, я помешал?

— Нисколько.

Появляется уборщица, метет. Поднялась пыль — и на нас. Я засмеялся. Потом принесла ведро и швабру и стала протирать ступени у входа в кафе. Запахло хлоркой.

— Чему вы смеетесь? — спросил у меня Алик.

— Трудно объяснить, — задумался я. — Просто я очень был рад тому, что...

— Я вас понимаю, — посочувствовал Алик и обратился к уборщице: — А вы не могли помыть потом?

— А? — спросила, выпрямившись, она.

— А как вы считаете: этично ли спать с тещей? — спросил он, повернувшись ко мне.

Уборщица поняла и убралась. Один господин заплотировал, кивая Алику.

— А что — вы переспали? — поинтересовался я.

— Я не женат, — ответил он.

— В таком случае, почему это вас так волнует?

Вернулась Катя.

— Вполне, — ответил я самым серьезным тоном.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— К сожалению, вынужден вас покинуть, — театрально объявил Алик и поднялся с озабоченным лицом.

— Пока! — бросила ему вслед Катя.

Я смотрел на нее, а Катя наблюдала, как он уходит. Вдруг она сморщила нос и повертела головой:

— Что это за запах?

— Ну, так вот, — говорю.

— Чего? — не расслышала она из-за шума проезжающей машины и прошептала: — Вчера потеряла крестик.

— Ну и что?

Никого не стесняясь, задрала вверх ногу, как балерина.

— Видишь?

— Что?

— Синяк! И не знаю, где посадила.

Я говорю:

— Это случайность; совокупность случайностей.

— Я так не думаю. Это все неспроста, — объявляет. — И крестик потеряла, и синяк посадила — сразу после того, как мы вчера познакомились.

— Извините, — вернулся Алик. — Я забыл о самом главном!

И оттого что он прервал наш разговор в самый неподходящий момент, а потом начинать сначала — это уже будет совсем не то, — я загрустил, а Катя таким же восторженным голосом, каким только что разговаривала со мной, спросила у Алика:

— Ну, и чего?

Я вспомнил, как она улыбнулась мне вчера, когда мы познакомились. И я сейчас понял, что она всем так улыбается.

— Ах! — воскликнул я.

— Что случилось? — испугалась Катя.

— Ушел и унес мою ручку, — напомнил я про пьяного поэта.

— Не надо из-за пустяка расстраиваться.

— Может, он пересел на другое место, — оглянулся Алик.

— Ладно, — махнул я рукой, — лишь бы стихи были хорошие.

— Пойду, позвоню, — сказала Катя, — все-таки договорюсь о встрече на полвторого. — И снова перебежала через площадь.

— Может, он действительно куда-нибудь за угол зашел, — проговорил я и прошелся взад-вперед у кафе, а потом зашагал, не оборачиваясь.

Ветер доносит до меня барабан или даже несколько. Прохожу мимо церкви из красного кирпича с золотой луковкой. Ни души. Иду навстречу барабану, и барабаны движутся навстречу мне. Под

ногами колышутся тени — от деревьев, сбрасывающих листья, — на глазах становящиеся прозрачней, голубей. За церковью пруд. Он покрыт блистающим на солнце ледком. Ветер срывает с дерева ветку и уносит на лед. По ветру она — как парус — скользит легко к другому берегу.

Иду вдоль забора с чугунной решеткой. Барабан все оглушающей. Наконец вижу через решетку, как под барабанную дробь — строим — по квадрату — маршируют — в военной форме — мальчики. Я иду дальше. Слышу зычный голос начальника: «Налево шагом марш! — и тут же — не по уставу, с угрозой: — Я неясно выразился?» Я не хочу видеть его морду и не могу видеть их невыспавшиеся лица — будто вылепленные из пластилина непослушными пальчиками в детском саду. Вижу черную материю, красные лампасы и золотые пуговицы. Иду не спеша, хотя следует поторопиться — но я так иду, будто у меня много времени и я не знаю, куда его деть. Мальчики нагоняют меня, печатая шаг. И я заметил, как они прячут от начальника свои еще детские улыбки. И я иду быстрее — даже иду очень быстро, даже очень-очень быстро, но вскоре не выдержал и оглянулся.

С ПОМПОНАМИ

Чтобы согреться, хожу взад и вперед, но не согрелся и тогда стал упорно глядеть вдаль, где смыкаются рельсы. Наконец опустил голову и увидел, что вымазал туфлю. Отошел в сторону и в измятой жухлой траве зашаркал ногой. Огляделся. После того как брызнул дождь, коровьи лепешки похожи на вылущенные подсолнухи. Неожиданно совсем рядом звенит трамвай, а я не заметил его приближения — когда устал ждать.

В трамвае присел на первое попавшееся место около молодой женщины в куртке с двумя помпонами из искусственного меха на тесемках и в шляпе с помпоном. Напротив нее глядит в окно мальчик. Рядом дремлет старик. Он открыл глаза, когда мальчик перебрался на колени к матери. И в трамвае холодно, очень холодно; прижавшись к маме, мальчик согревается.

— У тебя хорошая куртка, — сказал он ей, уткнув нос в меховой помпон, — когда вырасту, я своей жене куплю такую же.

По-прежнему он смотрит в окно. Там простирается голое поле.

— Не стучи ногой, — говорит женщина.

Мальчик перестал, но скоро опять застучал.

— Перестань!

Тогда он стал специально стучать. Мать дала ему подзатыльник и столкнула с колен. Мальчик сел напротив, продолжает:

— Холодно!

— Надо было спокойно сидеть, — говорит женщина.

У меня зонтик с изогнутой ручкой, и я вешаю его на поручень над головой. Мальчик достает из кармана мятые бумажки и — улыбнулся.

— Что это? Рисунки? — спрашиваю я, пытаюсь ответить ему тоже улыбкой. — Покажи.

Мальчик протягивает.

— Это мама? — спрашиваю.

— Нет, это тетя.

— А я думал, мама.

Мальчик по-прежнему улыбается. Мало того, он смотрит на кончик носа, повернувшись к матери.

— Не кривляйся, — говорит она.

Трамвай поворачивает все еще в поле. Зонтик раскачивается у меня перед глазами. Я снял его с поручня и спросил у мальчика:

— Ты учительнице тоже так улыбаешься?

Мальчик промолчал. Мать отворачивается от него и смотрит в окно. Старик опять сидя заснул. В окне показались коровы.

— Посмотрите, какое у него выражение лица! — воскликнула женщина, обращаясь будто бы ко мне.

Я глянул в окно и увидел пастуха. Он стоит у края оврага и точно так же кривляется, как мальчик; затем я понял, что он не кривляется и не улыбается — а у него всегда такое лицо. Трамвай проехал мимо. Пастуха уже не видно. Только чахлые кустики. Неожиданно среди них вырастает котельная, из железной трубы валит черный дым.

— В школу сегодня не пойдешь? — спрашиваю, повернувшись к мальчику.

— Пойду.

— А тебе во сколько?

— К двум.

— Не успеешь.

Мальчик ничего не ответил. Я вернул рисунки и повторил:

— Никак не успеешь. Сейчас уже полвторого, — сказал, поглядев на часы.

— Сегодня не пойду? — с надеждой спрашивает мальчик у матери.

— Не стучи, — говорит она.

Он опять специально застучал.

— Получишь, — сказала мама.

— Не успею, — сказал мальчик. — Еще надо домой за портфелем зайти.

— Пойдешь ко второму уроку.

Мальчик вновь занялся рисунками. Прослюнявив их с обратной стороны, начал обклеивать ими лицо дедушки. Тот раскрыл глаза, но не двигался и покорно сидел, не шелохнувшись, как мумия, за все время не проронив ни слова. Женщина с помпонами закричала на сына:

— Что ты делаешь?!

Мальчик глянул на меня.

— Тетя вверх ногами, — заметил я.

Старик дрожащей рукой смахнул рисунки с лица. На щеках у него остались какие-то линии. Стараясь разгадать эти линии, я задумался и уснул.

Приснилось: река течет не вдоль берегов, а от одного берега к другому; вода очень прозрачная — на дне растет клубника. Я даже заметил гнилые ягоды. Протянул руку и проснулся.

Трамвай грохочет по городу. Я увидел в окне котлован, у кромки его — гору черепов и тут же несколько пустых бутылок из-под водки. Трамвай остановился. Я спохватился и вышел.

Не успевшая пожелтеть листва осыпается охапками. Облака на небе — словно клубки мускулов. Ветер сумасшедший. Все чаще выглядывает солнце. Я перешел с теневой стороны улицы на солнечную и, оглянувшись, увидел: какая синь — там, где я только что шагал. Над крышами небо уже обнаженное, яркое, цвета небесной крови.

Вдруг из-за угла прямо на меня выскакивает пожилой мужчина с синяками на розовом и пухлом лице. Я сделал шаг в сторону и направился дальше, но мужчина бросился за мной с некоторым даже нахальством, казалось бы, совсем несвойственным его интеллигентному виду и ясной улыбке.

— Извините! — воскликнул мужчина. — У вас не найдется два целлофановых мешочка?

— А одного вам мало? — спрашиваю; тут я заметил, что мужчина босой.

Он пояснил:

— А то меня домой не пустят.

— Пакетов у меня нет, — говорю резко и — смягчился: — Можно зайти в магазин и купить. У вас есть деньги?

— Как раз денег у меня нет.

— Давайте зайдём в магазин — мне все равно надо, — говорю. — Я вам куплю.

— Буду очень благодарен, — раскланялся незнакомец.

Я открыл перед ним дверь, и мы вошли в магазин.

— Вы хороший человек, — продолжал незнакомец. — Я как увидел ваше лицо, так и бросился к вам. У вас на лице написано...

Я молчу, хмурясь. Мы поднимаемся по скользким, вылизанным ступеням.

— Наверно, вам очень холодно по ним подниматься, — говорю.

— Нет, ничего, — отвечает незнакомец.

Он шлепает очень звонко по бетону. На втором этаже продавщица закричала на нас:

— Вы что, не видите — обед!

Мы поворачиваемся — и стали спускаться — так же торжественно...

— Извините, что я в таком виде и без рубля в кармане, но к завтрашнему дню... — пробормотал незнакомец.

— Я сегодня уезжаю, — говорю.

— Ах, как жаль, — огорчился мужчина. — А как далеко вы уезжаете?

— В Америку, — говорю, чтобы отвязался.

— В Америку?! — с отчаянием закричал он.

Наверх поднимается девочка с сеткой. Гулкое помещение наполнилось звоном пустых бутылок.

— Еще обед, — говорю девочке, но она на мои слова не обратила внимания и продолжает подниматься.

— Выражение вашего лица произвело на меня... большое выражение, то есть впечатление, — говорит странный незнакомец, когда мы выходим на улицу.

— Если пройти в ту сторону — должен еще быть магазин, и обед там с трех до четырех, — говорю я, поворачивая. — Надо поторопиться...

Мы спешим по улице. Прохожие оборачиваются на нас, поражаясь не столько босым ногам, сколько несоответствием моим и моего спутника

во всех отношениях. Я замечаю: на нас обращают внимание все подряд, и это меня развлекает. Плохое настроение, которое с самого утра тяготило меня, сменилось самым превосходным. Я шел и посвистывал.

— Жалко, что вы уезжаете, — сказал незнакомец, — вы хоть адрес оставьте.

— В Америке?

— Да.

— Я не знаю в Америке адреса, — говорю.

— Тогда вы оттуда напишите мне, — попросил он. — Запишите адрес.

— У вас есть, чем писать?

— Нет, но вы легко можете запомнить.

— У меня плохая память, — говорю, махая зонтиком.

На лбу у незнакомца образовалась глубокая складка. Она приподнялась, а все лицо опустилось.

Я заметил, как бедняга переживает, и поспешил:

— Говорите, говорите, я обязательно запомню!

Теперь я посочувствовал по-настоящему, и у меня появилось желание помочь ему осязательнее, чем просто купить целлофановые мешки на ноги, но тут увидел женщину в куртке с помпонами из искусственного меха и в шляпе с помпоном. Она уже, видно, отправивла мальчика в школу. Она брела навстречу, глядя вниз. Помпон вздрагивал при каждом шаге над самой переносицей. Ему же место было немного сбоку. Незнакомец рядом что-то кричит, какие-то цифры, будто из них складывается счастье. Я подошел к женщине и поправил на ней шляпу. Женщина подняла голову, и я увидел, что обознался. Но она не стала возмущаться — на ее лице просквозила благодарность. Я понял — за всю жизнь никто к ней — как я — не подошел — и не поправил шляпу.

ПТИЧКА

Поезд остановился среди поля. Вдруг сделалось очень тихо, так тихо, что в ушах зазвонил телефон, много телефонов. Я открыл окно. Сильный ветер. Яркое солнце на синем небе. Что-то еще свистит.

— Юрр, — позвала.

— Тише, — прислушиваюсь.

— Я приготовила.

— Что — приготовила? Прошу тебя — помолчи.

Наконец сообразил. Рядом с железной дорогой — шоссе. Под ним проложена в ложбине бетонная труба — и это ветер свистит в ней. По ту сторону шоссе на железной цепи лошадь. Зеваает.

— А теперь — можно? — спрашивает Даша.

— Что — можно?

— Ничего, — рассердилась. — Кушать подано!

— Никогда не видел, — присаживаюсь к столику, — как кобыла зевает, — и сам зеваю.

Открываю бутылку вина.

— Чего мы стоим? — спрашивает. — В поле...

— А куда нам спешить? — налил и ей.

Даша подняла стакан и выпила. Тут вагон так дернуло, что у меня из полного пролилось.

— Не надо много рассуждать, — говорит.

Голый пейзаж за окном поплыл. И я выпил.

— Какая гадость, — скривился.

— Закрой окно, дует, — попросила Даша.

— Минуточку, — закусываю.

— Как хорошо, что взяли общий вагон, — сказала Даша.

— Закусывай, — говорю ей.

— Холодно.

Я закрыл окно.

— Закусывай, — повторяю.

— Есть не хочу. Еще выпить.

Налил ей, не успел — себе, Даша уже выпила. Глаза ее делаются прозрачней, ангельское лицо бледнеет.

— А я проголодался, — будто оправдываясь, наворачиваю.

— Хорошо, что взяли общий вагон, — повторяет.

— Почему?

— Одни в вагоне.

— Это случайность. Обыкновенно на третьих полках спят.

— Почему ты все время улыбаешься? — спрашивает Даша и сама себе наливает.

— Ты что-то много себе позволяешь, — говорю.

— А ты же меня не знаешь, — говорит.

— Я — тебя? — усмехаюсь.

— Так — почему?

— Что? — не понял.

— Что за чертовская улыбочка? — прошептала и обольстительно улыбнулась сама.

— Привычка.

— Странная привычка. Когда вот этот глаз косой и еще улыбка — у тебя получается не лицо, а свиное рыло. И — с каким выражением, если бы ты знал!

— С каким?

Она молчит.

— Чего не отвечаешь?

— Слов не нахожу. Но я тебя не боюсь. Слышишь?!

— Слышу.

— Мне тебя жалко.

— И какой еще глаз косой? — спрашиваю.

— Вот этот — когда выпьешь.

Я встал, иду, дернул за ручку — проводник выглянул из своего купе.

— Открыто в том конце.

Иду назад; когда проходил мимо Даши, она проговорила:

— Дурак...

Иду дальше. На скамье лежит девица. Поднимает голову. Волосы спутанные, и взгляд испуганный. Оказывается, не одни мы в вагоне. Действительно, открыто. Захожу. Окно замазано белой краской. В щелку врывается ветер. Я посмотрел на себя в зеркало. Нормальные глаза. Чего она выдумала? А где же улыбочка? Пожалуйста. Ничего с собой не поделаешь.

— Уже приехали, выходим! — Даша стучит кулаком в дверь.

Я бегу за ней по вагону в другой конец, где выход. За окнами замелькали стены и столбы. Столбы дыма. На солнце дым сверкает, как стекло.

Даша показывает:

— Смотри, твой папа!

Поезд остановился у вокзала. Совсем рядом, по перрону прошел папа под руку с девушкой. Я посмотрел на нее и сразу вспомнил о лошади на железной цепи. Лошадь была похожа на нее, или, вернее, она была похожа на лошадь, которая зевала.

Я вышел с Дашей из поезда. По перрону едет на велосипеде мужчина в клетчатом пиджаке и держит на поводке большую черную собаку.

Она бежит рядом чинно... Вдруг выскочили три дворняжки. Мужчина в клетчатом пиджаке успел отпустить поводок. По переходному мостику над путями идут солдаты. Как по команде оглянулись на собачий визг. Мужчина слез с велосипеда. Черная собака вернулась к нему. Поводок по асфальту — как колокольчик. Что-то на нем металлическое. Блестит. Колечко. Велосипедист в клетчатом пиджаке нагнулся за колечком и поехал дальше. Большая черная собака еще несколько раз гавкнула. Черная пасть. Солдаты спустились с мостика на второй путь. Сержант скомандовал: «Стой! Раз-два». Кто-то еще топнул. Сержант внимательно... У него на деревянном лице собачьи глаза. А у солдат за спинами в мешках лебединые крылья; никто, конечно, не видит, а я знаю. Вот и папа идет с бананом около дворняжек. Они еще рычат и смотрят в сторону удаляющегося велосипедиста. Глаза у них у всех голубые, как у солдат. У папы на лице слезы. Нехорошо подсматривать, но так получилось. Я взял за руку Дашу и пошел вслед за папой.

— Ты плачешь? — спросила у него девушка.

— Это от ветра, — сказал папа.

— Я бананы не ем, — продолжает девушка. — Ты позвонил?

— Да.

— Неприятная новость?

— Да, — кивнул папа, — то есть — нет.

— Я же вижу.

— Успокойся, — пробормотал папа.

— Мне-то что, — говорит девушка. — Я бананы не ем, — повторяет, — не ем.

— Почему?

— Не люблю.

— Почему?

— У них вкус мыла.

— Кто тебе сказал? — и тогда папа сам откусил. — Было еще мороженое, но сегодня и так холодно. Что же тебе купить?

— Колечко.

Они подошли к магазину — уже закрыт. Повернули на пустынную улицу, папа выбросил в кусты шкурки от банана и поцеловал девушку. По улице проскрежетал мотоциклист.

— Ах! — вскрикнула девушка.

Она выбежала на дорогу, присела на корточки, затем вернулась с птичкой в руке.

— Отнеси ее и положи подальше в кусты, — сказал папа. — Может, оживет.

Девушка понесла птичку, а я смотрел на закат. Очень мне тревожно становилось от его пылких красок. Они разгорались все ярче, притягивали взор — и оторваться от этого прекрасного каждый вечер зрелища не было сил. Деревья в парке почернели, а подстриженная трава приобрела очень яркий, неестественный для живого холодный, даже ледяной оттенок.

— Ах! — поморщился я.

— Что? — спросила Даша.

— Мошка в глаз попала.

— Не три, — сказала Даша, — дай посмотреть.

Тоненькими пальчиками оттянула мне веко и достала носовой платочек. Я замер, еле сдерживал себя, чтобы не взмахнуть крыльями... затем проговорил:

— Холодно, не иначе снег пойдет, а мошкара кружится.

— Готово, — показала Даша на платочке.

— Наверно, та птичка ловила мошек, — догадался я.

— Она умерла, — пробормотала, вернувшись к моему папе, девушка. — Потянулась, закрыла глазки, затрепетала и умерла.

— Как жалко! — воскликнул папа.

СЧАСТЬЕ

— Нажимаю на клавиши, будто клопов давлю, — вздохнула Соня, играя на пианино, а я упал перед ней на колени, уткнулся лицом в юбку и закрыл глаза, обнимая.

И, когда я ее обнимал и не дышал, она еще раз вздохнула.

— Ты что, не видишь — мне неудобно играть, — прошептала. — У тебя голова тяжелая, как гиря. Встань! — Опустила крышку пианино и сама поднялась со стула. — Давай хоть немножко поспим.

Не раздеваясь, легла лицом в подушку, а я целовал ее волосы.

— Пусти, — пробормотала Соня, слезая с кровати. — Закрой глаза.

Я услышал, как она за шкафом раздевается, и у меня так застучало сердце, как никогда не стучало, и я не мог расстегнуть пуговицы. Когда я открыл глаза, Соня, в ночной рубашке, нажала на выключатель, но было утро, а не вечер, и она свет не выключила, а включила.

— Автоматом, — пробормотала она, поспешила выключить электричество и легла рядом со мной.

Я осмелился дотронуться до нее.

— Какой ты горячий, — изумилась Соня.

— Ах! — не вытерпел я.

— Не переживай, — пожалела она меня.

— Я очень долго тебя ждал, — объяснил я.

— Еще успеешь, — улыбнулась Соня. — Давай спать!..

Она закрыла глаза и, казалось, уснула. Я тоже закрыл глаза, но заснуть не мог. Через минуту почувствовал, как ее реснички царапают мне щеку, и открыл глаза.

— Ты не спишь?

— Я уже выспалась, — ответила Соня. — А ты поспал?

— Не могу уснуть, — говорю. — Пошли гулять...

Солнце, высоко поднявшись, начало припекать. По улице слонялись куры с разинутыми клювами. На жаре после бессонной ночи совсем разморило. Голова моя была тяжелая, как гиря. Я взял Соню под руку, а идти вместе — у нас ноги переплетались. Подойдя к речке, мы легли в траву и обнялись, не волнуясь — видит ли нас кто или не видит. Солнце жгло невыносимо, а на голом берегу ни одного деревца, чтобы укрыться в тени.

— Давай, — предложила Соня, — искупаемся.

— Еще усну в воде, — испугался я.

Мы поднялись и побрели дальше по берегу. Под мостом Соня сбросила с себя кофточку, затем и лифчик. Над нами проезжает машина, бревнышки перестукивают под колесами одно за другим, а я ухватился за Сонины груди, словно за какие-то мешки, словно кули какие-то, и почувствовал, будто у меня на голове не волосы, а бревна...

— Ох! — вздохнула Соня.

— Чего? — спрашиваю.

— Ноги, — отвечает, — не держат.

Когда мы потом взобрались на мост, опять едет грузовик. Из кузова зерно сыплется. Тут же голуби кружат. На перила села маленькая птичка, глянула на меня бусинкой и вспорхнула. Соня достала из сумочки зеркальце и поправила прическу.

— Куда пойдём?

Я не помню, как мы очутились за вокзалом у заброшенного фонтана. По перрону, ожидая поезда, снуют люди с чемоданами. Муж-

чина несет ребенка на плечах, остановился, а жена нагнулась и завязывает ему шнурок на ботинке. Этот мужчина с ребенком на плечах оглянулся на Соню, и я обнял ее.

— О чем ты думаешь?

— Я, — отвечает, — думаю о том, о чем и ты думаешь.

Я не смог удержаться, поцеловал Соню и засмеялся. Скрипит на велосипеде старик, объезжает вокруг фонтана. Одной рукой держит руль, а другой — держится за сердце. За стариком бежит мальчик — нехотя подглядел, как я поцеловал Соню. Тощий и бледный, он опустил глаза и побрел дальше, затем еще раз оглянулся — не на Соню, а на меня — и я почувствовал, как горят щеки; мне стало стыдно перед этим бедным мальчиком за свое счастье. Я зашагал быстрее.

— Куда ты? — догоняет Соня.

На привокзальной площади рядом с автостанцией столики под зонтами. Я зашел в кафе, и Соня за мной, но тут же повернула назад.

— Душно, — сказала она. — В жару лучше на воздухе.

От стены падала серая тень. Мы сели за один из столиков в тени и заказали по тарелке борща. Люди после поезда разошлись, разъехались, и площадь перед вокзалом опустела.

— Чего ты молчишь? — спросила Соня.

— Не знаю, что сказать, — ответил я.

Вскоре подоспел официант с подносом и поставил перед нами тарелки. Поднялся ветер, зонтик захлопал над головой — столик покачнулся, и борщ из тарелок пролился. Мы схватились за столик.

— Терпеть не могу, — пробурчал официант, — подавать на эти столики.

— Надо поставить нормальные столики, — сказала Соня.

— Это не мне говорите, — заявил официант и ушел.

Ветер усилился; столик стоял на одной ножке, сплюснутой как у рюмки внизу, и, чтобы он не качался, нам пришлось придерживать ногами эту ножку — и так вот ели, а зонтик надувался парусом.

— Куда ты смотришь? — заметил я.

На дедушкином велосипеде едет назад тот мальчик, который подглядел, как я поцеловал Соню. Ветер дунул сильнее и перевернул один из столиков — выбежали рабочие и унесли под крышу остальные. Мальчик проехал мимо, но развернулся и у кафе остановился.

— Почему он так смотрит на тебя? — удивилась Соня. — Не улыбайся!

— Разве я улыбаюсь?

— Посмотри, — достала из сумочки зеркальце.

Я посмотрел на себя в зеркальце и пожал плечами.

— Не знаю, — говорю, — почему он так смотрит на меня.

Рабочие ожидали в дверях, когда мы уйдем, чтобы убрать и наш столик. А мы еще хотели здесь побыть, но очень тяжело сидеть, когда над тобой стоят, и мы ничего уже не могли сказать друг другу.

— Позовите официанта! — попросил я рабочих.

Они стояли рядом с мальчиком, а тот по-прежнему не сводил с меня глаз. Соня наконец догадалась, почему он так смотрит на меня, и тоже так посмотрела. Наконец подошел официант, и я поспешил расплатиться, кожей ощущая, как все смотрят на меня. Соня вдруг вскочила и побежала.

— Куда ты? — догнал я ее.

На проводах над перекрестком светофор. Не помню, на какой цвет надо переходить улицу. Перебежали, идем дальше, к следующему перекрестку. Еще один светофор. Непонятно, зачем они висят. Пока прошли от одного светофора к другому — не проехала ни одна машина и не показался ни один человек.

— Только не молчи? — взмолилась Соня. — Смотри!

Едет грузовик. В кузове стоит лошадь — проехала рядом со светофором; еще чуть-чуть — и светофором по морде. Мы свернули в переулок, где не асфальт, а песок. У заборов крапива исторгала такие резкие, острые запахи, как от бродяг на вокзале. Я вошел за Соней в калитку, поднялся по крыльцу в дом и, закрыв за собой дверь, услышал, как сердце не уместается в груди, а Соня схватила меня за руку и подтащила к зеркалу.

— Не отворачивайся! — попросила.

Смотрю на себя и улыбаюсь, а она вдруг размахнувшись ударила меня, ударила больно, но больше я был удивлен. Соня расплакалась; я гладила ее по вздрагивающей спине, целовал, а потом, когда она успокоилась, спросил:

— За что же ты меня ударила?

Опять у Сони слезы; я шагнул к зеркалу — и тут же отвернулся от расплывающейся от счастья улыбки...

КУДА ТЫ СПЕШИШЬ?

Отправился сначала к Анарееву — у него дома никого, тогда — к Филе.

— Ушел от Любы, — объяснил я ему. — Можно, оставлю чемодан?

— Оставляй, — сказал Филя и добавил: — А у меня все наоборот.

— Что такое?

— Ушла жена.

Зазвонил телефон, и Филя передает мне трубку.

— Кто это? — удивляюсь.

— Сам знаешь — кто, — усмехнулся Филя. — Как она чувствует, где ты!

Услышав знакомый голос, я приуныл.

— Анареев приглашает нас в ресторан, — залепетала по телефону Люба, — а я не хочу, чтобы он знал, что мы уже не живем вместе.

— Не ходи с ней, — прошептал Филя, но Люба так умоляла, что я согласился.

— Дурак! — сказал мне Филя.

В ресторане вместе с Любой меня ожидала Ася, а ее Анареев, как всегда, опаздывал. Электричество здесь не включали — в зеркалах отражались фонари на улице. Молоденькая официантка зажгла у нас на столе свечу на подсвечнике. Я не мог оторваться от голубых глаз официанточки. В полумраке они светились, вобрав в себя огни от всех фонарей и свечек. Официантка повернулась ко мне, умоляя, чтобы я так не пялился на нее, и я посмотрел в окно. Прохожие стали оглядываться — уж не знаю, куда смотреть, — решил размять ноги... Выйдя из туалета, не мог при свечах найти Асю и Любу; ходил от одного столика к другому, заглядывал в лица дамам, пока не увидел голубоглазую официантку, и я бросился к ней.

Выяснилось, что в ресторане два зала, — между ними туалет, и я из туалета вышел в другой зал, перепутал дверь, как всегда. Я так растерялся, что официанточка не могла удержаться, чтобы не захихикать, и, если бы я специально захотел познакомиться — ничего бы не вышло, а так ничего не стоило взять у нее телефон.

Когда я вернулся, Люба спрашивает:

— Ну, что — познакомился?

— С кем?

— Сам знаешь — с кем!

— С кем я мог познакомиться в мужском туалете?

— Я не знаю, где ты был, — заявила Люба, — но у тебя на лице написано, с кем ты сейчас познакомился...

Наконец прибежал Анареев.

— Почему вы, Ася, опоздали?! — запыхавшись, закричал на жену — да еще на «вы», в то время как сам опоздал на полтора часа.

Рубашка у него на спине и под мышками взмокла, и он платочком вытирал пот со лба.

— Что будем пить: водку или самогонку?

— Конечно, самогонку.

— Ездил на выходные в деревню. — Анареев, присаживаясь за столик, достал из портфеля бутылку. — Чем это пахнет? — покрутил недовольно носом. — Как в парикмахерской! А, это пахнет цветами, — догадался он и, размахивая руками, едва не опрокинул со столика вазу.

Проходила мимо официантка и оглянулась. И я оглянулся на нее, а Люба заметила. Подхватившись, она размахнулась, чтобы закатить мне пощечину, но ей помешал стол, заставленный тарелками, еще ваза с цветами, и Люба попала не в меня, а в Анареева, который сидел рядом.

Он выпучил глаза, ничего не соображая, и я поспешил ему разъяснить, что пощечина предназначалась мне, но Люба промахнулась. Весь вечер был испорчен. Люба расплакалась и долго не могла успокоиться. На нас оглядывались. Анареев поспешил расплатиться и, выходя из ресторана, спросил у меня:

— Почему твои женщины всегда плачут?

— Люблю плакс, — ответил я.

Любу нельзя было оставить, и мне пришлось провожать ее. Всю дорогу она прохныкала, но потом успокоилась и пожелала погулять вокруг дома.

— Мне еще ехать, — напомнил я, сам не зная, куда поеду.

— Куда ты ночью? — сказала она. — Ляжем спать в разных комнатах.

Никак я не мог уснуть. Долго ворочался и, когда под утро задремал, увидел сон: ночь и плеск волн. Я плыву по какому-то каналу. Рядом еще люди с узлами на плечах, и мы будто пересекаем какую-то границу. Канал суживается, так что можно проплыть только по одному, а по сторонам свай. Волны плещут о свай. Тут я проснулся и поднял голову. Я не мог понять, что это капает, и — закапало бы-

стрее; кажется, сейчас польется струей. Не сразу я сообразил — это не капает, а часы тикают.

Я глянул на стрелки на часах и вскочил. Поспешил умыться и одеться, но Люба, наплакавшись вчера, еще не встала, а мне неудобно было, не попрощавшись, уйти. Слоняясь из угла в угол, я обрадовался, когда она позвала меня. Она еще лежала в постели и, глядя в потолок, спросила:

— Почему у нас не получилась жизнь?

— Кто-то у тебя был такой, — стараясь не обидеть Любу, начал я, — кого ты очень любила, и ты хотела, чтобы и я был такой, но я не такой. Наверно, я оказался самый никудышный.

— Почему ты так думаешь? — сказала она, поднимаясь из постели и обнимая меня. — Другие еще бестолковее! Если бы ты знал, как с Анареевым...

— Ну, и как?

— Да — никак.

— Когда ты успела с ним? — удивился я.

— Когда ты был в деревне, — ответила Люба, невинно улыбаясь.

— Ладно, мне надо ехать, — прошептал я, глядя ее, теплую, из постели. — Ну что еще... — Звонит телефон, а она в меня вцепилась, не отпускает. — Ладно, — освобождаюсь из ее объятий, — надо подойти к телефону, мало ли кто, — и, услышав Анареева, обрадовался: — А мы только что тебя вспоминали.

— Как вчера доехали? — спросил он и, не дожидаясь, что я отвечу, добавил: — Почему ты так одеваешься?

— Как — так?

— На тебя в ресторане все оборачивались, — сказал Анареев. — Купи себе приличный костюм — и у тебя пойдет по-другому жизнь. У тебя есть деньги?

Выйдя от Любы, хотя денег не было, я поспешил в магазин, чтобы выяснить, как сейчас одеваются. Чего я ни перемерил — всякий раз боялся в зеркало посмотреть, костюмы с иголочки висели на мне, как на пугале, и я понял: дело не в одежде...

Продавщица спросила, какой я хочу костюм, а я не мог объяснить, пока не сообразил:

— Не такой, в каком хоронят...

— Вам лучше зайти в другой магазин, — посоветовала она, но не сказала — в какой, и я вышел на улицу.

Опять снег, когда давно уже по календарю весна. В голове одни неприятные мысли, и тут я вспомнил, что познакомился вчера с официанточкой. Позвонил ей из автомата и договорился завтра встретиться — настроение сразу подскочило. Я прибрел в какое-то пустынное место. Я люблю такие места и люблю идти куда-то дальше и чего-то ожидая. Я не заметил, как снег перестал падать. Вокруг так бело, что больно глазам, и если так изо дня в день больно и небо такой же ровной серой пеленой со всех сторон, то сам не знаешь, какой хочется душе костюм.

Я прибрел к железнодорожным путям. Стежка вдоль них угадывалась под навалившим снегом, и я направился к вокзалу. Как хорошо сейчас выпить и как будет тогда радостно среди этого белого со всех сторон. И эта тоска, когда снежная чистота сливается с небесной, превращается, если выпьешь, в сердечное веселье, и будешь падать в снег, как в детстве, катаясь на санках с горки. Я так размечтался, что зашатался, будто пьяный, и мне стало радостно брести по снегу, как начал накрапывать весенний дождик.

Я пришел за чемоданом к Филе. Он не заметил моего прекрасного настроения, однако вспомнил про ресторан:

— Как вчера погуляли?

Я весь мокрый, дрожу, а этой ночью долго не мог заснуть, и глаза слипаются, будто действительно хорошо вчера погуляли.

— Да, — говорю, — погуляли. Можно, я полежу на диване?

Только лег — зазвонил телефон. Филя поднял трубку и позвал меня.

— Люба? — спросил я.

— А кто же еще, — ухмыльнулся Филя.

— Я хочу, — сказала Люба по телефону, — чтобы ты приехал ко мне.

— Ты не представляешь, как я устал, — вздохнул я, слыша, как барабанит дождь по жести за окном.

— Тогда я приеду к тебе.

Я повернулся к Филе.

— Ты не против, если приедет Люба?

— Пускай приезжает, — сказал Филя, — и поможет помыть пол.

— Я тоже могу помыть пол, — раздался из кухни женский голос.

Филя подмигнул мне, и я прошел за ним на кухню, где женщина с распущенными рыжими волосами жарила рыбу.

- Будешь в муке валять? — спросил Филя у нее.
- Не буду.
- Ты же раньше валяла.
- А сейчас не валяю.
- Почему ты сейчас, Нина, не валяешь?
- Ну, вот раньше валяла, — отвечает, — а сейчас не валяю.
- Ты что, Филя, не понимаешь; одно и то же всю жизнь надоедает, — поясняя, — и надо хотя бы в мелочах добиваться разнообразия.
- Но и это по существу ничего не меняет, — заметила Нина.
- А перевернуть всю жизнь по существу невозможно.
- Почему?
- Невозможно повернуть вспять реку.
- Перестаньте молоть чепуху, — сказал Филя.
- Почему? — обиделась Нина.

Только сели обедать, звонит в дверь Люба. Филя открыл и пригласил Любу к столу, а она, поздоровавшись с рыжей Ниной, восхитилась:

- Какие у вас красивые волосы!
- Я их сегодня покрасила, — похвасталась Нина.
- Я тоже хотела бы покрасить.
- Могу вас научить.
- Не надо, — сказал я.
- Научите, — лишь бы мне наперекор, попросила Люба. — Я хотела бы еще подкоротить волосы, а то здесь, — она показала на затылок, — так греет, что иногда дурно становится, а вам греет?

— Иногда, — задумавшись, ответила Нина. — Поехали ко мне, — предложила, — я тебя подстригу и покрашу волосы.

— Я хочу еще рыжее, чем у тебя! — подхватила Люба, также перейдя на «ты», и я вышел с Филей, чтобы подать женщинам пальто.

Когда дверь за ними захлопнулась, я вздохнул, а вслед за мной и Филя вздохнул, и я поинтересовался, что это за Нина.

— Моя первая любовь, — ответил Филя.

Вспомнив, что от него ушла жена, я посоветовал:

— Тебе сейчас первая любовь ни к чему, найди какую-нибудь легкомысленную девчонку.

— Я думаю, — сказал Филя, — лучше выпить.

Он стал собираться в магазин, а я, когда вышли из квартиры, оглянулся с чемоданом.

- Украла номер!
- Какой еще номер?
- С двери, — показываю.

Филя махнул рукой; когда ушла жена — не жалко номера, и мы скорее выбрались на улицу.

— Кому-то стало жарко, — показываю на пальто в снегу у ворот больницы.

- Странно, что никто не поднял, — удивился Филя.
- Наверно, только брошено. Мы, — говорю, — первые...
- Нет, уже давно лежит, — возразил он. — Я, когда ходил за рыбой, уже валялось. И еще — вон! — костыли — обрати внимание...
- Тогда все понятно!

- А я не понимаю, — пожимает плечами.
- Произошло чудо, — говорю. — Мы свидетели.

Филя — в магазин, а я поспешил с чемоданом к Анарееву. Что за день?! На остановке долго ожидал автобуса; собралась толпа — и я столкнулся со своей первой любовью; она тут же отвернулась от меня к пьяненькому мужу. Если бы я женился на ней — может, и я стал бы таким. Никогда не чувствовал, а сейчас почувствовал себя счастливым, что так живу, как я живу.

Пришел к Анарееву — дома одна Ася.

- Чего ты такой?
- А ты заметила? — удивился я. — Встретил сейчас на остановке свою первую любовь, — как ни в чем не бывало говорю, — сделал такое лицо, будто вижу ее впервые, и отвернулся.

- Почему?
- Она наверняка бы спросила про мои дела, а что я бы ей ответил?
- Чего ты прибедняешься? — ухмыльнулась Ася. — Тебя сегодня видели, как ты выбирал костюм в одном из самых дорогих магазинов, куда даже мой муж не заглядывает.

— Кто же это мог видеть меня там, если даже твой Анареев туда не заглядывает? — сказал я, удивляясь, какой у нее появился любовник, и Ася прикусила язык — как легко можно проговориться.

Мне не дал погрустить Анареев — явился в новом пальто.

- Ну, как? — спросил, поворачиваясь перед зеркалом.
- Отлично! — восхитился я, и Ася подхватила: — Очень хорошо!
- И я тоже так думаю, — еще раз он поглядел на себя в зеркале и захохотал. Анареев так хохотал, что слезы вытирал с лица. — Фу, устал, — вздохнул, а я по себе знаю, если так смеяться, конечно...

— Что такое?

— Устал, — повторил Анареев; у него на лице появилось выражение, какое бывало, когда он работал дворником на кладбище. И вдруг прошептал мне на ухо: — Слушай, а та официантка вчера — она ничего!

Я чуть не сказал ему: *спасибо, что напомнил*; уже забыл, что договорился встретиться. Я посмотрел на себя в зеркало и сделал холодное лицо, чтобы не потерять голову перед встречей с официанткой; кажется — ты еще мальчишка и все впереди. Снял с вешалки куртку и тут же уронил, затем шапка на полу.

— Куда ты спешишь? — спросил Анареев.

На улице опять метет, как зимой. Я прибрел к пустырю у железной дороги. Вокруг так бело, что хочется выпить. На привокзальной площади никого — кажется, что я в поле, и вокзала за метелью не различить. Вдруг стихло — надолго ли; как будто глубокий вздох слышу; обернулся — среди снега огненного цвета волосы. Люба машет рукой; с короткой стрижкой она будто помолодела и счастлива.

